

ХИЗЕР
СНОУ

*Любовь
неукротимая*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
С53

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Heather Snow

SWEET MADNESS: A VEILED SEDUCTION NOVEL

Перевод с английского *М.О. Новиковой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Сноу, Хизер.

С53 Любовь неукротимая : роман / Хизер Сноу; [пер.
с англ. М.О. Новиковой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2017. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088991-4

Молодая вдова Пенелопа Мантон, посвятившая себя заботам о солдатах, страдающих душевными расстройствами из-за пережитого на войне, охотно приняла на свое попечение и героя битвы при Ватерлоо Габриэля Деверо, лорда Бромвича. Однако очень скоро ей стало ясно – с ним что-то не так. Габриэль не похож на сумасшедшего, припадки случаются, лишь когда он находится в лечебнице. Так в чем же дело?

Постепенно готовность Пенелопы помочь лорду Бромвичу и сострадание перерастают в искреннюю дружбу, а дружба – в настоящую любовь. Но Габриэль, по-прежнему терзаемый душевными муками, боится, что в своем безумии погубит влюбленную в него доверчивую молодую женщину..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Heather Snow, 2013

ISBN 978-5-17-088991-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Лидс

Июнь 1817 года

Желтый цвет ей к лицу. Габриэль Деверо не сводил глаз с грациозной молодой женщины, кружившейся по залу в изящном танце. Он не мог вспомнить названия белых цветов, вышивкой которых был украшен едва задевавший паркет подол ее лимонного платья.

Ему никогда не нравились блондинки в желтом. Они меркли в толпе, подобно одноцветному рисунку, очертания которого не воспринимал глаз. Но леди Пенелопа была иной. Она сияла, словно летнее солнце, затмевая окружающих. Габриэль знал ее всего несколько дней, однако успел проникнуться обаянием этого волшебного света. И неудивительно, что Майкл выбрал в жены именно ее: ординарных людей он попросту не замечал.

— Что, уже вождедеешь очередную невесту нашего кузена?

Габриэль стиснул зубы от возмущения и все же удержался от грубого ответа. В любом случае Эдвард, а именно его тихих шагов не услышал Габриэль, даже будучи менее пьяным,

не смог бы оценить и самую язвительную, остроумную реплику.

— Глупости, — нехотя ответил Габриэль. Конечно, никакого чувства к леди Пенелопе он не испытывал. Однако пока следил за счастливой парой, кружившейся в легком вальсе, все его тело пробирала какая-то странная дрожь. Он с трудом оторвал взгляд от танцующих и вновь посмотрел на младшего брата. Ну конечно, опять этот припухший, покрасневший нос! С каких пор Эдвард пристрастился к выпивке?

Между тем ночь только начиналась.

Габриэль заглянул в хитрые глаза брата и понял: тот распознал причину его скверного настроения. Проклятье! Каким бы пьяницей ни стал Эдвард, он все же знал Габриэля лучше, чем кто бы то ни было.

Неужели это ревность? Он снова перевел взгляд на танцующих: как будто проиграет пари, если перестанет смотреть. Габриэль заставил себя остановить взгляд на кузене Майкле, бароне Мантоне Третьем, губы которого расплывались в блаженной улыбке. А почему бы ему не радоваться? Похоже, он нашел настоящую долгожданную любовь.

И именно это не давало покоя Габриэлю. Он не ревновал красавицу — он завидовал чужому счастью. А есть ли на свете женщина, способная вернуть его улыбку? Нет, вряд ли.

Габриэль отвел взор.

— Что ж, теперь слишком поздно, — сказал Эдвард, глотнув из бокала, — для нас обоих.

Габриэль бросил резкий взгляд на брата, в
4 голосе которого распознал гнев. Ведь Эд-

вард не смотрел, подобно Габриэлю, ни в сторону танцующих, ни тем более на новобрачных. Он не сводил глаз с дальнего угла бального зала. Габриэль глянул туда и обнаружил Амелию, жену Эдварда, бессовестно флиртующую с известным повесой.

Эдвард залпом допил остатки пунша и вытер губы рукавом.

— Извини, брат, — бросил он, прежде чем удалиться.

Проклятье! Проклятье! Габриэлю пришлось последовать за ним. Теперь он глава семьи — как бы ни чужда была ему эта роль. Поэтому он обязан на корню пресечь любой инцидент, способный сорвать свадебный бал.

Габриэль замедлил шаг. Эдвард же резко обернулся, посмотрев в сторону жены, и, едва не снеся с петель двери, вылетел во тьму ночи. Габриэль удрученно посмотрел вслед брату. Да, многое изменилось. Для всех них.

— Лорд Бромвич?

Габриэль вздрогнул, когда чья-то рука в перчатке коснулась его предплечья. Он сжал руки в кулаки, прежде чем осознал, что к чему.

— Ах... я... — Леди Пенелопа робко засмеялась: в такие моменты она выглядела намного моложе своих двадцати лет. Габриэль не знал, что она сейчас прочитала на его лице, однако ее светло-зеленые глаза удивленно расширились, и она мгновенно убрала ладонь с его руки. Его чрезмерная настороженность — вот что смутило девушку, как молниеносно надвигающееся штормо-

вое облако омрачает солнечную погоду по весне. И Габриэль в свои двадцать семь почувствовал себя угрюмым стариком.

Он выдавил слабую улыбку, а все его тело словно после сильнейшего удара провалилось в бездну слабости.

— Леди Пенелопа, простите меня. Я... — Что он мог сказать? «Простите: я вас чуть не ударил по лицу?» После пережитой войны он не вполне адекватно реагировал на разного рода неожиданности. — Я задумался. Не услышал, как вы подошли...

— Конечно... — пробормотала леди Пенелопа, не показав обиды. Все же ее серьезный пристальный взгляд смущал его. — Я вас напугала, — понимающе кивнув, продолжила она. — Мне следовало быть внимательнее. Простите, милорд. Обещаю, подобное больше не повторится.

Габриэль заметил, что хмурится. Он еще плохо знал леди Пенелопу. Она что, смеется над ним? Или просто старается быть вежливой? Вряд ли она понимает, как повлияли на него долгие годы, проведенные в сражениях на фронтах Европы, так ведь? Сам он никогда не говорил об этом.

— Что ж, — светло улыбаясь, сказала она, к удивлению Габриэля, вновь положив ладонь на его руку. Ее губы расплылись в милой улыбке, которая, казалось, легко прогнала хмурое облако, нависшее над ними. — Я уверена, вы не откажете мне в следующем танце.

Габриэля поразила столь быстрая перемена в поведении. Ему не удалось скрыть ошеломления, и он испустил глубокий вздох. Почему ее простая улыбка вызвала у него такую

слабость? Поразительную слабость, и, более того, она его... согрела. Одарила чувством покоя и счастья. Это ощущение казалось Габриэлю настолько странным и незнакомым, что он не мог подобрать сравнения.

Он не успел дать ответ — леди Пенелопа повлекла его в центр зала.

— Танец вот-вот начнется! — торопила она, с надеждой смотря на Габриэля. Ее белокурые кудри, украшенные желтыми цветами, переливались под светом люстр.

Разумеется. Как глава семьи, он должен принять приглашение невесты кузена на следующий танец. Именно поэтому леди Пенелопа к нему и подошла. Габриэль стряхнул томительное напряжение, которое испытывал в обществе юной особы, и ускорил шаг.

В его сердце застыла тревога, когда они заняли ведущее место среди танцующих — там, где сливались две взаимонаправленные линии. Габриэль чувствовал себя неловко: в последний раз он танцевал еще до войны. А теперь... так тесно, так шумно. От всей обстановки в его груди нарастала болезненная тяжесть. Однако отказаться он не мог.

Леди Пенелопа положила нежную руку на ладонь Габриэля, вторую — на его плечо. От волнения по его шее проскользнула маленькая капелька пота.

«Подтянись, старик, — мысленно сказал он себе. — Всего лишь один танец — и на сегодня ты свободен».

Габриэль приготовился с минуты на минуту потерять сознание от головокружения,

нападавшего на него каждый раз, стоило ему оказаться на балу. Однако, к его изумлению, ничего подобного не произошло.

Пространство заполнили звуки скрипок и рояля, вплетающиеся в бодрящую и веселую мелодию, которую Габриэль не смог узнать. Он изо всех сил старался скрыть эмоции, ожидая первого шага от партнерши. Он не упражнялся уже несколько лет и понятия не имел, как начать этот танец. Габриэль надеялся, что леди Пенелопа выберет что-нибудь попроще: чтобы ему удалось приспособиться и не выглядеть дураком. К мелодии прибавились звуки флейты, и танец начался.

Леди Пенелопа сжала руку Габриэля.

— Не падать духом, милорд, — прошептала она. — Я в вас верю.

Габриэль не успел ответить, как леди Пенелопа с лучезарной улыбкой ускользнула от него прочь, кружась по залу, и ее движения словно напомнили ему что-то. Но когда она вернулась и за руки вовлекла его в танец, его тело поддалось так легко и покорно, будто он танцевал всю жизнь.

Всего пара движений, и Габриэль понял, почему чувствует себя так свободно: леди Пенелопа выбрала простой, но всем известный танец, возможно, единственный, который он знал. Напряжение отпустило, и его заледеневшее от волнения тело согрелось в энергичных движениях, заставивших его забыть обо всем на свете.

Как батальон солдат следует за своим командиром, танцоры повторяли за ними движения, пара за парой змейкой кружились по залу. Танец длился около полчаса. Габриэль готов был

поклониться, что за это время улыбался больше, чем за весь прошедший месяц. Но что более странно: он не испытал того сокрушительного страха, который овладел им в его первую ночь на балу на Пиренейском полуострове. Напротив, почувствовал невообразимую радость: так веселился он, наверное, впервые.

Танец Габриэля и леди Пенелопы окончен; они остановились друг напротив друга, и он посмотрел на нее. Она улыбнулась и, когда стихла музыка, захлопала в ладоши, окинув взором остальных танцоров. Но Габриэль не мог отвести глаз от нее.

Неужели какой-то танец заставил его так воспринять? Или все-таки партнерша?

Румянец играл на щеках леди Пенелопы, а зеленые глаза засветились радостью. Подмокшие от пота тонкие пряди волос пристали к вискам и шее. Она была воплощением прелестной английской розы: хрупкая, утонченная, грациозная; изящные щиколотки, прелестные руки, аристократический нос и бархатная кожа. Она именно такая, какой должна быть молодая английская леди. Габриэль готов был отправиться на войну за такую, как она.

«Разве я не достоин счастья?» — подумалось ему. Он имел в виду не леди Пенелопу. Возможно, пришло время рискнуть и вытащить себя из-за им же самим возведенной стены отчуждения и найти вторую половинку. Ему, конечно, нужна спутница постарше невесты Майкла и куда более умудренная жизненным опытом. Для столь невинного существа Габриэль стал бы ужасным мужем.

В свои годы он повидал больше смертей и

горя, чем многие за всю жизнь, и очень изменился. Ему нужна женщина, душа которой не была бы такой... светлой. Этот свет ошеломляет его, привыкшего жить во тьме печалей и несчастий. Но и это еще не все.

Разразилась буря аплодисментов, когда оставшиеся танцоры, затаив дыхание, встали в ряд для следующего танца. Габриэль присоединился к ним, наконец отведя взгляд от невесты кузена. Когда рукоплескания стихли, Майкл занял свое место в линии.

— Бог ты мой. Уже вечность не танцевал такого.

Удивительно! Майкл выглядит еще совсем мальчишкой. Трудно поверить, что он всего на пару лет моложе Габриэля. Последний частенько завидовал поразительной энергии кузена: тот, казалось, вообще не ведает усталости. С присущей Майклу бодростью он веселым рывком приобнял невесту, шутливо поцеловав ее в висок.

— Непривычна роль жены, дорогая?

— Да, действительно. — Обняв мужа в ответ, леди Пенелопа одарила его любящей улыбкой, однако взглядом встретила с Габриэлем. Он понял, что сейчас она хотела бы потанцевать с ним. Она бы почувствовала его страдания, как бы он ни пытался их скрыть, и непременно выбрала танец, с которым он смог бы справиться. Габриэля поражали ее чувствительность, ее внимательность.

Теперь он понял, что леди Пенелопа никогда не смеялась над ним. Вероятно, был в ее жизни другой человек, которому довелось испытать схожие

бедствия. Ее кузина недавно вышла замуж за графа Стратфорда, воина, тяжело ранен-

ного в одной из битв, в которой участвовал и Габриэль. Возможно, Стратфорд чувствовал ту же гнетущую неприкаянность, ту же болезненную настороженность, так же мучился от бесконечных бессонниц и кошмаров. Ночь за ночью переживал битвы, победы и поражения...

— С прошлым покончено, любовь моя, — объявил Майкл. — Отныне мы смотрим только в будущее.

Он снял бокал шампанского с подноса лакея. Слуга остановился, наблюдая, как изнемогающие от жажды танцоры припадают к влаге. Майкл взял один бокал для невесты и еще — для Габриэля, прежде чем произнести тост:

— За наше будущее! — Он чокнулся с Пенелопой, и по залу раскатился веселый звон.

— За ваше будущее, — поддержал Габриэль, не сводя глаз с Пенелопы. — Будьте счастливы.

Майкл дружески похлопал кузена по плечу, и часть шампанского выплеснулась через край, облив ему руку и рукав. Габриэль попробовал придержать выскользнувший бокал, но остаток жидкости вылился на его туфли.

— Благодарю, лорд Бромвич, — проговорила леди Пенелопа.

— Габриэль, — настоял он, стряхивая с ноги капли шампанского. Она изумленно вскинула брови, и он пояснил: — Теперь мы одна семья.

— Тогда — спасибо, Габриэль.

— Да, Габриэль, спасибо, — безразлично повторил Майкл, забирая у леди Пенелопы по-прежнему полный бокал. — Идем, жена, — сказал он с неестественной гримасой, будто сма-

ковал каждое слово этой фразы. Затем более тихим тоном, с ноткой интимности, добавил: — Нам пора удалиться.

— Пора, — с готовностью подхватила леди Пенелопа, и счастливая парочка поспешила покинуть праздник.

Глядя им вслед, Габриэль наконец понял, какое именно чувство пронзило его сердце, когда леди Пенелопа впервые улыбнулась ему. Это была надежда. Надежда на собственное будущее.

Габриэль выпил малые капли шампанского, оставшиеся в бокале, мысленно произнеся свой тост: «Пусть мое будущее будет не менее счастливым, чем их».

Глава 1

Уэст-Мидлендс

Февраль 1820 года

Вскоре после смерти короля Георга III Безумного

Леди Пенелопа Бриджмен, баронесса Мантон, вышла из кареты. Под ее изящными черными ботиночками хрустел щебень аллея Викеринг-плейс.

Этот построенный в семнадцатом веке особняк походил на дворец. Из крыши, покрытой сланцем, выступало не менее дюжины дымоходов; из каждого возносились к небу клубы дыма от разожженных очагов, поддерживающих тепло в старинном здании красного кирпича. Неудивительно: этот февраль выдался особенно холодным. Вся западная часть постройки до главного входа была окутана буровато-зеленым увядшим плющом. Пенелопа представила, насколько он, должно быть, красив по весне, как и узорчатый фонтан на площадке перед домом или акры земли, в теплое время покрытые зеленеющей и цветущей флорой.

Все же Пенелопа от всей души надеялась, что весной приехать в Викеринг-плейс ей не придется. Она и сейчас предпочла бы оказаться подальше от этого места.

Дубовые резные двери распахнулись перед ней, едва она достигла верхней ступеньки лестницы.

— Леди Мантон, — по приветствовал ее худощавый господин в черном строгом костюме, которому заранее было известно имя гостыи. Пенелопа решила, что в этом нет ничего удивительного. Здесь тщательно отслеживали поток посетителей и встреча с каждым планировалась заблаговременно.

— Вы, я полагаю, мистер Аллен? — спросила она, зябко кутаясь в шерстяную накидку и поеживаясь от обжигающего ледяного ветра. Она притопывала ногами, невольно поглядывая на огонь в камине.

— Да, это я, — сдержанно подтвердил мистер Аллен, однако не отошел в сторону, чтобы пригласить гостью в дом. Пенелопа многозначительно посмотрела на него, потирая руки в перчатках. Наконец хозяин смиловался: — Прошу, проходите, — сказал он, не скрывая своего неудовольствия.

Пока мистер Аллен не передумал, благодарная за предоставленное тепло Пенелопа обошла его сбоку. Холл был ярко освещен. Пенелопа не могла оторвать глаз от бесконечно высокого потолка, расписанного легкими кучевыми облаками на голубом летнем небе, у краев стен переходящего в прелестный закат. Подобной картины она не ожидала.

Откуда-то из глубины раздался душераздирающий вопль женщины, от которого Пенелопа поехала не меньше, чем от холода. Этот пронзительный плач внезапно прекратился, оставив лишь зловещее эхо в мраморных стенах

холла. Пенелопа задрожала. Она ожидала столкнуться здесь с чем-то подобным: это поместье давно перестало быть простым загородным особняком. Стены, покрытые золотистым дамастом, декоративная кладка и прекрасные дорогие скульптуры повидали многих аристократов, но теперь владелец продал Викеринг-плейс, и тот превратился в частную клинику для душевнобольных. Отныне богатые люди отправляли сюда сыновей и дочерей, матерей и отцов, жен и мужей на лечение или же просто для того, чтобы спрятать их подальше от общества. Именно так семья Майкла поступила с беднягой Габриэлем.

Пенелопе показалось, что шум совершенно не смутил мистера Аллена, словно тот его и вовсе не заметил. «Он привык», — подумала она. Аллен простер руку, приглашая гостью в свой кабинет. Пенелопа присела в удобное кресло напротив строгого, но весьма впечатляющего письменного стола. Гостья постаралась выглядеть как можно более невозмутимой, в то время как ее колотил нервный озноб.

— Боюсь, вы напрасно проделали такой путь, миледи, — начал мистер Аллен, усаживаясь на свое место. — Кажется, сегодня утром у его светлости был очередной приступ. В таком состоянии он может быть очень... опасен. Положа руку на сердце, говорю вам: не могу позволить его забрать. Ради вашей же безопасности.

Пенелопу насторожила эта хитроватая снисходительность в гнусавом голосе управляющего. Она недовольно сжала губы. Аллен, неправильно оценив ее реакцию, сказал в оправдание: